

Надежда Александровна Мирошниченко родилась в Москве. Окончила в Коми государственный педагогический институт. Работала учителем, журналистом. Доцент факультета гуманитарного образования Ухтинского государственного технического университета. Автор 11 сборников стихов, многочисленных публикаций в литературно-художественных журналах России. Лауреат Большой литературной премии России, премии журнала «Наш современник», других литературных наград. Член Союза писателей России. Народный поэт Республики Коми. Живет в Сыктывкаре.

Надежда Мирошниченко

СТО ТЫСЯЧ ЖИЗНЕЙ

**НАС РАЗУЧИЛИ
ПЛАКАТЬ И ЖАЛЕТЬ**

Петру Алешкину

Нас разучили плакать и жалеть,
А это значит, что любовь ослабла.
Она была в веках нам скрепой ведь.
А это больше, чем почет и слава.
Нас научили вовремя молчать.
А это значит — разучили драться.
И ни за что всерьез не отвечать.
И только за самих себя бояться.
Не будем же во всем себя винить.
Они, конечно, больше виноваты.
Но что и кто сумел в нас преломить,
Что мы теперь другие, чем когда-то.
Но вот война — и этот же народ
Взял вещмешки — и на передовую.
И, умирая, вновь идет вперед
И, побеждая, плачет и ликует.

ЛАНДЫШИ

Геннадью Красникову

Эти капли крохотные света.
Эти голодранцы темноты,
Эти перепето-недопето —
Неправдоподобные цветы.
Как меня по жизни ни носила
Неуравновешенная жизнь,

Одного я только и просила:
Ландыш, не потухни, продержись!
Маленький, и чистый, и прохладный,
В северных не выросший лесах,
В сердце ты впечатан беспощадно:
Личико хрустальное в слезах.
Оступаюсь, да хватает силы,
Чтобы встать в защиту чистоты.
И не зря я сумрак полюбила,
Ландыш, глупый, если выжил ты.
И когда умру, я знаю это,
Глаз не отведя от глаз небес,
Землю затопив потоком света,
Ландышами выплачется лес.

ПОКА НЕ СПОКОЙНЫ РУССКИЕ

Валерию Михайлову

Сквозь вешние звезды тусклые
Стрелой пронеслось в эфире:
Пока не спокойны русские,
Не будет покоя в мире.
А Богом России дадено
Достатку во всем — работай!
Да ползает рядом Гадина:
Все хочет отнять чего-то.
И ластится, и коверкает
Скрижали Руси святые.
И кажется все от века ей,
Что пашни у нас — золотые.
Что реки у нас — алмазные.
Что из хрусталя кладбища.
И ждет она Стеньку Разина.
И вновь Пугачева ищет.
А русские люди — воины,
Научены временами.
С того мы и беспокойные,
Что видим, кто за холмами.
А наши бойницы — узкие.
И есть кое-что для боя.
Оставьте в покое русского
И будете жить в покое.

РАДОНИЦА

Памяти моего мужа Анатолия Федулова

Жизнь теперь из стужи и огня.
Помогите мне хоть кто-нибудь.
Не сердись сегодня на меня.
Я судьбу пытаюсь обмануть.

Мы живем в другие времена.
Все насмарку — чувство и сюжет.
Не сердись сегодня на меня:
Я и так почти не вижу свет.
Я и так несу в себе металл
Сквозь зеркал слепящий коридор.
Кто стрелял, он и в меня попал.
И во мне разруха и разор.
Я и так по памяти иду
Сквозь границу стужи и огня.
Может быть, я завтра пропаду.
Не сердись сегодня на меня.

МОТИВ ДЛЯ МОЛИТВЫ

Вячеславу Лютому

Когда пойдешь по Родине пешком,
Не обойдешь ее — и не старайся.
Все хорошо на ней и любо, словно рай Все.
И пахнет земляникой с молоком.
Но так в душе. В твоей любви к земле,
Которая повязана с тобою
И песней. И дорогой, и судьбою.
И каплями на солнечном весле.
А наяву так много нещедрот
И нестроений. И недоработок...
И только тот, ее бессмертный отрок,
Все тот же он, хоть кажется — не тот.
Он смотрит в небо и летит в зенит
В своей мечте. И не сгорит на солнце.
Течет смола янтарная по соснам.
И над руками облако звенит.
Как мне свести все это вместе с ней.
Моей земли — с судьбой моей России?!
Как все ее колдобины осилить,
Переплетая с криком журавлей?!
Откуда эта Вера и Мольба,
Что все случится так, как Бог положит.
Что сам народ себе же и поможет
И, отработав, пот смахнет со лба?!

* * *

Мне не хватало в Пушкине меня.
И мама меня умная корила.
Она мне с огорченьем говорила:
Подумай, кто, мол, ОН! И кто, мол, я.
А я была румяна и бела,
Как легкая пуховая подушка.

И верила: меня бы понял Пушкин,
А мама моя вот не поняла!
Но тайну мне открыла западня,
Которая на волю не пускала,
Что не хватало мне во мне меня.
А Пушкину всего в себе хватало.

* * *

Светлане Сырневой

Начинается грусть. Прекрати, неумное сердце!
Я же знаю, к чему начинается это сейчас.
Ты опять ошибешься. Оно, видно, правда: из детства —
Наше чувство хрустальное, что разбивается враз.
Это чувство-предчувство безвыходно — не экономно,
Но стремится на битву и с разумом, и со тщетою.
И опять меня тянут куда-то подальше от дома
То ли в небе зарницы, то ль во поле вечный покой.
Мы уже проходили и это, и то. Так к чему же
Начинается грусть, ненадежная, как облака.
То ль сорвется грозой, то ль, что еще, может быть, хуже,
Обернется мечтой, не исполненной в жизни пока.
Не хочу отвечать на вопросы ничьи и подначки.
Не хочу и себе закрывать для тоски ворота.
Это словно вода, что из старой, как мир,
Водокачки
Бьет хрустальной струею, но не достает до виска.

БАЛЛАДА ОБ ОБЛАКЕ

Я облаку сказала: не реви.
Да, слезы начинаются с земли.
И это я наплакалась сегодня.
Что делать — это слезоньки мои.
Я собирала их почти что век.
Где шли дожди и где подтаял снег.
Где собрались серебряные росы
В такой хрустальный Времени ковчег.
Я о других пока что не гу-гу:
О материнских, вдовьих и девичьих.
Боюсь, страданью нету в них различья.
Но я о них сегодня не могу.
Я о других, неожиданных, как оплошность.
Как в рамках жизни рамки ремесла,
Где оказалось: грань я перешла,
Как и границу будущего с прошлым.
Вы говорите: Музыка небес.
Вы говорите: Стоны перезвонов.
Но что мне та Сикстинская Мадонна,
И что мне этот польский Полонез,

Когда душа увяла, как трава,
Лишь потому, что облако просило:
«Поплачь. Во мне уже не стало силы».
И слезы пролились на рукава.

СУДЬБА

Павлу Широглазову

А я прошла по центру и окраине
И лучше — не могла предположить.
И если мы с тобой не обесславили
Россию нашу, значит — надо жить.
Судьба моя, ты — сусло животворное.
Не зря же в русском замкнутом кругу
Тебе досталось слово непокорное,
Понятное и другу, и врагу.
Судьба моя, высоты и падения
И хрупкая бессмертная свирель,
Благодарю за то, что слово Гения
Со сказкой мне вложила в колыбель.
Благодарю за доблестное воинство!
За лирику, где плачут соловьи.
И за одну дорогу там, где войн — сто.
За русское смятение в крови.
Как на бессмертной ноте в сердце просится
Высокий пламень русского житья,
Который победит чересполосицу —
Где Русский мир, где Родина моя.

ПЛАТА

*Памяти моей мамы
О.К. Мирошниченко-Кулагиной*

Ты мне не верь: меня на свете нету.
Есть только пища сердцу и уму.
И тайна, что в рождении Поэта,
Пока что недоступна никому.
Я этого тогда еще не знала,
Когда черту посмела перейти.
Когда те строчки первые писала,
Подобренные где-то по пути.

Теперь я вижу через мглу столетий
И через все моря-материки,
Что видят только маленькие дети
Да, может быть, волхвы и старики.
И возвышая плоскость до объема,
И бесконечность свергнув до нуля,

Я возвращаюсь к маминному дому,
Который помнит маленькой меня.

И всяким разговорам о Поэте
Сегодня смысла я не придаю.
Ты мне не верь: я прожила на свете
Сто тысяч жизней, пропустив свою.

«ЭТА ЖАЖДА РАЗГОВОРА СО СВОИМ...»

*Собеседник в художественном пространстве
Надежды Мирошниченко*

*Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.*

Анна Ахматова

*И теперь я могу говорить, как дитя, бестолково...
Но со светом, струящимся искренностью изнутри.*

Надежда Мирошниченко

1

Современная русская поэзия условно может быть разделена на две художественные территории. Одна из них — лирика переживаний и чувствований, созерцаний и творческих свидетельств. Другую охарактеризуем как поэзию мысли. В той или иной мере многие свойства общепринятой лирики присутствуют и в стихотворениях второго литературного эшелона. Однако при ближайшем рассмотрении его творческим двигателем оказывается именно движение мысли автора, ее перемены и оттенки, соприкосновение ее с реальностью и историей, осознание взаимоотношений мужчины и женщины.

Художественная мысль предстает перед читателем не только в виде рассудительных строк — она бывает эмоциональной, даже страстной, у нее хватает силы проникать в темы, традиционно присущие лирическим стихотворениям, и выходить на такие обобщения, которые часто ускользают от поэзии первого рода. В качестве ближайшего и очевидного примера назовем творческое наследие Юрия Кузнецова. И одновременно подчеркнем, что художественный мир, в котором поэтическая мысль «широкого захвата» является главным действующим лицом, встречается довольно редко. К тому же, взаимодействуя с лирической историей героя или героини, она подчас находится в ее тени и выражена не столь явно. И закономерно, что подобная поэзия мысли остро нуждается в опознании, в идентификации. Причем такая литературоведческая задача не недостаточна: ее решение позволяет точнее понять нюансы стихотворения и уловить значимые перемены в авторском отношении к событиям, людям и поступкам.

Впрочем, может возникнуть вполне резонный вопрос: к чему, погружаясь в ткань произведения, показывать, как в нем все устроено? Ведь это — предмет изучения филологической науки, а не литературной критики, облеченной доверием читателя. Между тем, мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что художественный текст всегда содержит в себе дополнительные смыслы, с которыми автор напрямую «не работал», но они проявились интуитивно и в виде фона непременно присутству-

ют в его письме. Это и личностные характеристики писателя, непосредственно влияющие на степень доверия читателя к его словам. И чувственное состояние пишущего, которое углубляет его психологический абрис. А также — динамика интонации, которая говорит нам об уверенности автора в только что сказанном, о понимании им того, в каком пространстве звучит его речь и многим ли она слышна и понятна. Названные (совсем не очевидные) штрихи влияют на восприятие читателем строк стихотворения: от них зависит, возникнут ли душевные движения, драгоценные и для поэта-певца, и для внешнего человека, его современника.

Стихи Надежды Мирошниченко обладают отчетливо выраженными особенностями авторской интонации, в них воплощена способность поэтессы соединять явления и предметы взаимно далекие — неожиданными поворотами сюжета... Притом ее лирические истории и монологи кажутся читателю какими-то особенными. В них, как будто, много привычного, однако поставить автора в некий ряд имен и литературных тем можно лишь с некоторым внутренним усилием. Хотя обаяние этих поэтических строк от того не только не страдает, но приобретает черты творческого явления во многом загадочного.

В первую очередь, загадка кроется в разговорности художественного слога Надежды Мирошниченко. Как правило, подобный стиль речи позволяет поэту сократить дистанцию между повествователем и слушателем-читателем, «одомашнить» проблематику и сюжет стихотворения, приблизить лирический рассказ к современности, которая узнается в ее деталях. У Мирошниченко все обстоит совершенно по-другому.

Ее строка организована таким образом, что диалогизм в ней отчетливо присутствует, однако прямого обозначения собеседника — нет. Будто слушатель и потенциальный участник разговора стоит невидимо за плечом автора — и автор об этом знает. И понимает, что речь его обращена к стоящему сзади, к тому, кто не в силах самостоятельно опознать реальность, сформулировать ее суть и решить, как ему быть дальше. Здесь повествователь оказывается неким поэтическим разведчиком, который погружается в чащу бытия и разгадывает ее почти непостижимое устройство. Выступая в качестве проводника, который этой конкретной тропой и сам еще не ходил, он, тем не менее, знает, что может двигаться по ней с уверенностью. И ведет за собой «условного собеседника», отвечая за то, чтобы с душой и телом того не случилась беда.

Примечательно, что слушатель («неактивный», условный собеседник), практически, не подает голоса, но его мысли и чувства угадывает автор и озвучивает их, выступая также как толкователь реакций и психологического состояния этого второго неявного героя — гражданина ли, возлюбленного, современника, русского человека... Обычного или интуитивного, но всегда — душевно менее продвинутого, нежели alter ego автора. Между тем, способность осмысливать происходящее и догадываться о возможном или неминуемом развитии событий всегда остается прерогативой лирического рассказчика. То есть диалогизм здесь имеет четкие художественные границы. И такое обстоятельство не может не влиять на тематический диапазон лирики Надежды Мирошниченко. Вот почему одной из задач исследователя, который погружается в ее стихотворения, можно считать «выяснение роли собеседника» в ее творческом пространстве.

Не будет преувеличением счесть тему любви наиболее весомой в творчестве Надежды Мирошниченко. При этом великое чувство в ее стихах переносится на предметы и явления более общие, нежели взаимоотношения мужчины и женщины. Любовью пронизаны ее стихи о русской земле и русском народе, о нашей ис-

тории и характере здешнего человека, о природе и местах, с которыми связана жизнь автора. Крайне сложно в корпусе ее стихотворений найти вещи отвлеченные, погруженные в собственные переживания, созерцательные в классическом понимании такого определения. Примечательно, что одиночество как стержень лирического сюжета у Мирошниченко встречается только в очень слабой концентрации. Поэтесса всегда находится в диалоге с живыми и ушедшими, с памятью и текущим днем. И еще — в диалоге с высшим Промыслом.

Ты замен не ищи: ни к кому не ходи, кроме Бога.
Нет замены Ему. И хоть как головой ни крути,
Но на верном пути остается лишь эта дорога.
А другие, в обход, не дают нам до Бога дойти.
Ни о чем не печалься, мы все в целом свете такие:
Ошибаемся, платим и снова стремимся вперед.
А вперед — это к Господу. Но заблудилась Россия,
И наслушалась бесов, и канула в водоворот.
Я сама не другая. И мне эта Родина наша —
Поводырь и попутчик. И кто тут кого заплутал?
И при мне стали звать мою чистую Родину — «Раша».
И при мне все орлы улетели в равнины со скал.
И любовь пролилась как сквозь сито — не в землю, а в камни.
Хорошо, что еще хоть немного осталось на дне.
И меня иссушило такое привычное «кабы»,
Что ни в чем не спасало, но тлело, как уголь, во мгле.

Начиная поэтическую речь с предметов самых разных, личных и общих, житейских и духовных, практических и идеальных, «не от мира сего», поэтесса сопрягает их с любовью. Причем происходит такое сближение с поразительной неуклонностью — будто некая вещь — материальная, объемная, осязаемая — испытывает неустрашимое притяжение земли. Подобное правило, которое можно назвать едва ли не главным в поэтике Надежды Мирошниченко, почти не знает исключений и присутствует в стихах ее постоянно. С другой стороны, остается лишь удивляться, сколь многолика любовь в ее лирике, сколь она универсальна и может быть найдена в любой коллизии, которая воссоздается пером автора.

То ль завоешь, как волк,
То ль, как иволга, птицей застонешь,
То ль взорвешься черемухой,
То ли стрелой упадешь,
Лишь как вспомнится мне
Мой любимый, мой русский Воронеж,
С этой Россошью маленькой,
Тоже медовою сплошь.
Лишь как вспомнятся мне все ошибки и все неудачи,
По бескрайнему счастью разученные наизусть —
Я возьмусь за перо и, как девочка, глупо расплачусь.
И бумагу порву, и почувствую слезы на вкус.
Но лишь вспомнятся мне все курганы мои и долины,
Все озера и реки с прошитой строкой камышей —
Я возьмусь за перо и над Русскою встану равниной,
Как над русской былиной: взглянуть, что же сделали с ней.

Или так:

Что-то, душа, мне не нравится,
что мы с тобою одни —
Мало ли что там окажется за перевалом,
Сядь на крылечко сердца. Передохни.
Ты же всегда умела обходиться малым.

Собеседником у Мирошниченко становится все что угодно — поэтесса очень естественно олицетворяет этот образ, который бывает как предметен, так и иррационален. С ним связаны надежды спрятанного за текстом автора, его гнев, грусть, предупреждение о поступке или о неотвратимом течении событий. При этом общение с таким собеседником происходит напрямую, без каких-либо посредников, натуральных или условных. Но когда в стихотворение вторгается по воле его создателя русский миф — деталями или наглядными аллюзиями, кратким пересказом старого сюжета или соединением древности с кровоточащей реальностью, автор отвлекается от своей роли проводника читателя в художественно отображенной действительности и воспринимает его уже как союзника, по отношению к которому возникает «чувство локтя».

Понимаете, сердце — оно не устроено всюду,
Потому что подвержено счастью, почти как греху.
И ему неудобно везде до минуты, покуда
Оно ищет родное — такое же, «как на духу».
Оно ищет-поищет, да все же торопится с ходом
Признавать за свое, что вовек не бывало своим.
Потому что оно испокон прилепилось к народу,
Что не может без сказки, который лишь Богом храним.

Именно потому многие стихотворения Мирошниченко, посвященные родной земле и ее истории, воспринимаются читателем так горячо и воодушевленно, с ощущением правды, пронизывающей слова, исторические отсылки и художественные образы поэтессы. Вот где со всей определенностью возникает абрис собеседника, у которого с автором оказывается много общих черт и душевных забот. Стоит отметить, что стихотворений о России и ее многострадальной исторической судьбе у Мирошниченко очень много. Огромный свод ее лирики о Родине, многообразный по сюжетным подходам и художественным решениям, можно считать уникальным вкладом поэтессы в сокровищницу русской патриотической литературы. Здесь мы найдем неповторимую игру интонаций, соединение страниц прошлого с настоящим, переплетение фольклоризма с приметамы узнаваемой действительности.

Стоит специально оговорить три главные темы в ее творчестве: Родина — любовь — беда. При этом в тематическое русло отчего края непротиворечиво укладываются две другие позиции: любовь и беда.

Мирошниченко много раз проникновенно упоминала и воплощала в емких образах черты России:

Русские мы. И не только по отчеству.
Этого мало — березы и синь.
Просто не знает другого высочества
Тот, кто родился на древней Руси.
Если не веришь, от юга до севера,
Вьдь на дорогу, нет помня обид.
В горсть набери ты пшеницы и клевера
И погляди, как тебя опьянит.

Или так:

Сорвется дождь, на землю упадет,
Пробьется вглубь, надышится землею
И клевером сквозь поле прорастет.
И будет пахнуть хлебом и травой.

Она связывает «русское» с обыденными вещами и, обращаясь к себе (или читателю), далее уже возвышает голос, говоря о Руси. Укрупнение привычных малых деталей родной земли помогает автору высказываться и художественно размыш-

лять о Руси в целом. Подобный способ воздействия в тему нельзя назвать оригинальным, в нашей поэзии он разработан достаточно хорошо. Однако Мирошниченко обладает редким свойством объединять большое и малое на равных правах: в ее строке скромные детали обладают большим смысловым весом, а последующее развитие сюжета с использованием масштабных исторических и геополитических вех не теряет драгоценной вещественности, не уходит в чистую, хоть и красноречивую риторiku, как это случается порой у иных поэтов.

История России в последние два столетия горька и трагична, хотя и в прежние времена наряду с мгновениями радости русский человек испытывал лишения и печали, проливал кровь и боролся с нуждой, становился жертвой сговора темных сил. Вот почему слово «беда» — горькая часть житейского круговорота в России. Надежда Мирошниченко, последовательно входя в объемный образ Родины, постоянно упоминает о ее жертвенности и о внутренней силе, о преодолении власти «мира, который во зле лежит», по евангельскому определению. Эти нравственные координаты для русского человека остаются определяющими. Потому и сегодня на нас возлагается вина за нежелание следовать эгоистичным путем западной цивилизации, отвергая нравственные заветы русских гениев и духовидцев.

Эта вина, внедренная
В нас, как приказ извне.
Кайся, непокоренная
Родина, что ты НЕ:
Не продалась, не сгнула,
Не отреклась со зла.
Кайся, что не отринула
Бога и ремесла.
Кайся, что чистоплотная:
За образец простой
Нынче купцы залетные
Жалуют золотой.
Кайся, что настоящая.
Кайся, что не прошли
Их короли пропащие
В наши с тобой цари.

Поэтесса удивительно самобытно выстраивает публицистический сюжет. Ее строки не стареют с годами — это верный знак того, что слова здесь одухотворены самой поэзией, их истоки мы найдем в пушкинской традиции, где лирика и огненная речь совсем не мешают друг другу.

Страдальческий образ Руси, подвижнический и стоический, в большом многолетнем корпусе стихотворений Мирошниченко постоянен.

Лишь закрою глаза — тоскую.
Лишь открою — тоска сильней.
Где мне Родину взять такую,
Чтоб душой не болеть по ней?!
Чтоб не мучили так, как эту.
С глаз долой бы, из сердца — вон.
Но куда ни пойду по свету,
Только Русь с четырех сторон.
<...>
Разгулялась слепая сила,
Словно бешеная волна.
Лишь закрою глаза — Россия.
Лишь открою — опять она.

Зримая и незримая Россия, действительная и идеальная, — для автора это самая большая мысль и самое большое переживание. Только внутри названных координат существует все остальное — общее и личное, вещественное и отвлеченное.

У Мирошниченко, пожалуй, как у никого другого в современной русской поэзии, явлены апокалипсические картины сегодняшней Руси. Тут — свойство ее зрения и интонация авторской речи. Причем мирные приметы жизни у поэтессы соседствуют с образом катастрофы — именно в таком порядке ее взгляд отслеживает движение событий: их возможное развитие, а совсем не воспоминание о прежнем уже после наступившего финала истории. Подобное «двойное» видение склоняет автора и читателя к необходимости ценить простое и привычное и предостерегает от образа смерти как фатального окончания света, мира, человека («...Когда сам космос около порога / И бездна — на родимой стороне»).

Ни русского слова,
Ни русского духа,
Ни русского имени в русском раздолье.
«Спаси тебя, Господи! — скажет старуха. —
Спаси тебя, Господи, русское поле!»
Неужто и впрямь из тебя не напиток
Покоя и радости, русская чаша?!
Да сколько еще на земле повторится:
«Спаси тебя, Господи, Родина наша?!»

3

Примечательно, что предметы, окружающие героиню Мирошниченко, практически всегда даются в несколько отвлеченном виде. Кажется, автор не стремится к точности, рисуя фигуру или часть окружающей среды: для поэтессы более важным обстоятельством оказывается связь деталей картины, которая стоит перед глазами. В чистом виде созерцания в ее стихах как будто нет совсем, а потому сюжеты и условные изображения, в первую очередь, интеллектуальны. Основой сюжета становится мысль, так или иначе представленная в стихотворении — со своими антиподами и нарочитыми упрощениями со стороны антагонистов. Поэтическое письмо Надежды Мирошниченко не реалистично, а повествовательно в духе старины, когда мелочи не отвлекали читателя от главного в развитии сюжета. Но если рассмотреть свойства авторского интеллектуального стиля, то обнаружится, что он насквозь метафизичен, отвлечен от физики четких линий и осязаемого веса, от характерных примет живописной техники — наглядно пастозной или пастельной.

Поэтические композиции Надежды Мирошниченко скреплены с реальностью определенными узлами и, вместе с тем, параллельны твердой «здешней» действительности. Если и далее сравнивать «нарастание» содержания в ее стихотворениях с живописью, то уместно говорить о живописи большими мазками. Вот только цветовая гамма тут сведена, по существу, к широким вариациям черного и белого, отчего возникает «спектральное» сопоставление ее литературных образов с лаконизмом, свойственным графике.

Эти «удары» мастихина или крупной кисти по полотну и новые большие пространства, заполняемые частями общей картины, в определенной степени связаны с экспрессивностью повествователя и его эмоциональностью. А способность динамично строить содержание поэтического высказывания неотделима от главной обширной мысли автора, от его мировоззренческого устройства. Таким образом движущей силой художественного письма Надежды Мирошниченко является эмоцио-

нальная мысль и интуитивное приращение традиционной конфигурации мира, незримо запечатленной в душе, — к сегодняшнему дню. В какой-то мере автор в стихотворениях своих похож на старинного русского человека, перевоплощенного в нашего современника, у которого, тем не менее, остались живые нервные узлы, напрямую связанные с отечественной древностью. То есть душевное тело — нынешнее, а многие его узловы точки — как бы привнесены из прошлого.

И тогда оказывается, что alter ego поэтессы есть соединение «старого» русского человека с новым, и тоже русским: второе «я» повествователя предстает двуединой субстанцией, принципиально не делимой на дробные составные части. Взаимодействие этих условных «фигур», их взаимное согласие или невидимая духовная схватка неожиданно проявляются в «фоновых» словах и предстают как еще один разговор, пополняя поэтическую ткань и придавая ей черты многоголосья.

4

Стихотворения Надежды Мирошниченко о любви есть непрекращающийся разговор с возлюбленным — мужем Анатолием Федуловым. Уже не один год прошел с момента, когда он покинул земные пределы, однако столь велика была общая вселенная, столь содержательна и многообразна была совместная жизнь, что таким поэтическим беседам, кажется, не будет конца. Эту часть поэзии Мирошниченко по праву можно счесть жемчужиной ее творчества.

А он один не предал и не продал,
Хоть и не знал, зачем она ему.
А он ей руку, не смущаясь, подал.
Во свет пошел за нею и во тьму.
А он один всегда был с нею рядом
И не искал неповторимых слов,
А говорил: «Одна ты мне отрада».
И повторял: «Одна ты мне любовь».
А что молчишь ты? Этого хватило,
Хотя казалось — только и всего?!
А вот, поди ж ты, и она любила.
А вот, гляди ж ты, именно его.
Банально все, что с ними приключилось.
Но я порою думаю тайком:
Кому из нас такое же не снилось?
И кто из нас не плакал о таком?

Поэтесса замечательно выписывает слитность героини с ее любимым и их взаимную отдельность, непохожесть друг на друга. Подобная диалогичность в русской любовной лирике, кажется, не имеет аналогов. Притом так ложится на душу стиль и интонация автора, что мнится, будто лишь за них, оставляя в стороне смысл, уже и ты любишь пишущего.

Стихи названного рода у Мирошниченко становятся как бы лирической стенограммой, вдохновенной фиксацией всего, что происходило за всю историю отношений автора и ее сердечного друга. Оживают давние мизансцены, раскрываются прежние недомолвки, превращаются в глубокие размышления слова, что когда-то были мимолетными... Происходит неустанное напоминание о прошлом, которое не уходит из настоящего, но обретает некую трудно объяснимую форму своего существования, когда двое любящих живут в одной душе, потому что вто-

рая отлетела в недостижимые для человека миры. И здесь образ собеседника меняется, в него превращается сама поэтесса, как бы говорящая с собою давней, встающей из пропасти времени. Нет чужих, тут только свои, но женщина теперь — в двух лицах.

Когда ты был еще чужим,
И я еще росла,
Ты рассказал мне, как ты жил,
Чем жизнь твоя была...

В степи, от засухи седой,
Где речка чуть течет,
О чем мечтал ты, мальчик мой,
Не встреченный еще?

Когда Надежда Мирошниченко пишет о любви, в ее окоем попадают также и предметы близкие, житейские, фактурные: «Тяжелые яблоки падают с веток. / И кролики прячутся в клетки». Смешение высокого, природного и житейского — здесь очень точное, с чувством меры большого и малого. Оно придает картине необъятность, в которой далекое и близкое вполне могут изменяться, оказываясь несколько другими, нежели в эпизоде, «схваченном» внутренним зрением автора. И такая живая, словно дышащая композиция пространства дает ему земную универсальность, вместе с тем сохраняя конкретику и единственность места и обстоятельств.

Так мужу было надобно и Богу.
Видать они придумали вдвоем,
Чтоб я любила ветер и дорогу,
Предпочитая колыбель и дом.

В приведенной цитате есть важные смысловые указатели: лирическая героиня послушна Богу и мужу, в чем наглядно проявляется сила любви и традиции. Она ценит вольность, но склоняется — к домашнему укладу.

Часто интонация авторской речи — песенно-речитативная, а проговариваются, обозначаются в тексте вещи сказовые и культурно-условные. Однако всякий раз поэзия Надежды Мирошниченко выходит на смыслы высокие и почти единственные. Так происходит соединение народной русской речи с народной русской верой, в которой чтут Спасителя, но и природа не забыта, и бытовая жизнь идет по старым правилам. Поэтическое слово автора отталкивается от русского мифа, причем от его многих атрибутов — но не собственно от системы духовных координат. В свою очередь, фольклоризм в сюжетах Мирошниченко проявляется не в стилизации речи, а в сюжетном использовании фольклорных ходов, в сближении реального — с мифологическим, сказочным, при легкой отсылке к фольклорной речевой интонации. И в итоге приходит к русской вере, в которую органично вплетается русский обычай.

У поэтессы очень органично сливаются в единую повествовательную линию рассказ и изображение. В результате она избегает как рассудочности, резонерства, так и предметной декоративности. Сюжет становится на удивление убедительным и живым, зримым и умным.

Поэтическая речь Мирошниченко состоит из «слов-наитий» и «слов-из-жизни», которые все стали ее словами, что заметно в самых разных стихотворениях. Догадка и традиция — вот формула художественного слога автора.

Самое главное, с чем лирический рассказчик имеет дело — это душа, мука, любовь. Все иное — внешние обстоятельства, на которые автор или ее героиня не могут повлиять.

А всего и было, что душа.
Господи, какая это малость!
Ни плоха была, ни хороша,
А почти Вселенною казалась.
А всего и было, что любовь.
Господи! Лишь одного прошу я:
Подари мне эту муку вновь
И не отбери, пока дышу я.

Как много здесь внутренней драмы и радости жизни. Умение плакать без слез позволяет поэтессе скрывать горечь сердца и не выносить личное на поле общего — природы, света, необъятной земли... Это позволяет автору определить место человеческого малого в бытийно большом. Сопоставление «малое — большое» у Мирошниченко возникает регулярно: слова стихов и песен на фоне русского мифа, русской сказки, русского простора; судьба человека, народа — на фоне великого Промысла...

Начинала с ручья. А потом подошла к океану.
И душа задрожала, столкнувшись с его глубиной.

Поэтесса постоянно сталкивается с большими смыслами, которые проявляются в ее стихах даже игрового характера, а также в изображении быта и разногласия людской среды. Мастерски управляя разного рода мнениями и суждениями в лирическом сюжете, автор воплощает самое существо собственной поэзии. Подобное «управление голосами» очень характерно для стихотворений Надежды Мирошниченко о любви.

5

Приметы времени в стихах Надежды Мирошниченко показаны во многом калейдоскопично — они словно выхвачены властной рукой художника из непрерывного потока мгновений, десятилетий, эпох. Речь идет о хронологических знаках, но поэтесса куда большее внимание уделяет смыслу времени. Он перетекает из текущего дня в прошлое, и порой — в будущее. Автор стремится понять даже не само время, но его изменения. Не опознаваемую реальность, а динамику смены картин и событий — что в ее сердцевине, в ее основе? Вот почему у Мирошниченко мы находим своеобразные «срезы» разных временных пластов и различных эмоциональных и смысловых состояний. Это позволяет ей свободно перемещаться между целыми эпохами и отдельными этапами, между сюжетами историческими — и коллизиями лирическими, биографическими. Подобные экскурсы почти всегда окрашены стилистикой речи автора или его интонацией.

Любопытно, что цвета в стихотворениях поэтессы в прямом наименовании почти отсутствуют и часто обозначаются опосредованно: «серебряные крылышки», «золото ковров»... Внешнее изображение предмета для нее второстепенно, важнее — его название, в котором скрыт смысл присутствия этой вещи в реальном мире. Точно также и очертания того или иного «объекта» у поэтессы фактически не проявлены. Вся ее художественная речь сосредоточена в поле смысла, в поле эмоций, в поле нравственной оценки. Наконец, в поле жизни — прожитой и настоящей. Поэтому риторическое начало — одно из главных в арсенале творческих средств автора.

Душевное устройство русского человека у Надежды Мирошниченко соприкасается с устройством окружающей его среды — быта, природы, говора. И если природа оказывается подвержена поруганию в результате отступничества и предательства людей, то русский человек обретает свою тяжкую судьбу не столько

из-за кого-то или чего-то, но в виде бремени, часто необъяснимого и принимаемого только из-за того, что он — русский. Кажется, что людей пригибает к земле некий фатальный метафизический груз, не давая им почувствовать полноту бытия. Так показана русская фигура у поэтессы.

Любимый край любимых лиц,
Надежных снов, любимых,
Веселых оголтелых птиц
И рыб больших, глубинных...

Как русская светла печаль,
Возвышенная нами,
Как будто небо на плечах,
Когда на сердце — камень.

Как русская сильна любовь,
Не знающая страха,
В венке из луговых цветов
Идущая на плаху.

Надежда Мирошниченко склонна обращаться к Родине или к Руси напрямую, не рисуя их или определяя исподволь, а обращаясь как к собеседнику. Для ее поэзии собеседник — это возлюбленный, Русь, история русская, русский человек, конкретное место (город, роща, поле, небо), встреченный на пути прохожий... Даже в уединении она не абсолютно одинока («Я с одиночеством наговори-лась...») — такой ассоциативный, провиденциальный собеседник у нее есть всегда. Однако, в отличие от первичной, неопределенной по существу формулы О. Мандельштама, «провиденциальный собеседник» у Мирошниченко — в наименовании предметов и явлен.

Русская Русь! Как меня сквозь столетия тянет
Пыльный большак и ямщик, затевающий петь.
Не заплетай меня, Русь, золотыми ветвями.
Дай мне запомнить тебя хоть такую успеть.

Олицетворяя окружающую среду, поэтесса возвышает ее, совмещая с неким волшебством или с фольклорным образом, с родным человеком или, шире — с современником. Проникая в стихи Мирошниченко лирическим взором, читатель попадает в условный мир, где много вещей вполне зримых и знакомых, но они ведут себя не обыденно, привычно, а по смыслу и облику их действий — как-то сокровенно, значимо.

Среди всех иных тем стихи о русском человеке занимают в поэзии Надежды Мирошниченко особое место. Свойства и качества русского человека интонационно и в виде едва уловимых штрихов проникают в реализацию каждого ее сюжета. Притом отражение этого образа во всех подобных случаях — положительно. Подчас его черты автор показывает сурово, но говорит о том всегда с сожалением, и ни разу — с однозначным осуждением пороков и недостатков. Негатив дается как слабость, как свойство характера, во многом — как следствие его мягкости, сердечности. Читая строки Надежды Мирошниченко, ты оказываешься окутан глубинной нежностью ее к русскому человеку. В роковые мгновения он отодвигает в сторону свои изъяны, как бы забывает о них и становится однозначным воителем за высокие идеалы, полноте которых, быть может, в минуты своего забвения или дремы и не совсем соответствует. Поэтесса чувствует неоднозначность такого образа, однако в душе у нее берут верх благодарность и восхищение русским человеком, русским миром. Именно потому перед нами — подлинно национальный автор, умный, пронизательный, обладающий острым зрением и внимательный к деталям.

Он, конечно, невыгоден этот характер невиданный
Прежде всех самому, да такой уж случился народ.
Ну, а я расцветаю, как будто девица на выданье,
То ли песню услышу, то ль в русский войду хоровод.
Пропадет моя Русь, так никто на земле и не выстоит.
Нету русским начала и, видно, не будет конца.
И какой басурманишка в белую лебедь ни выстрелит,
Все вернется стрела и убьет самого же стрельца.
Что вы, черные вороны, по полю черному рыщете?
Что вы, черные вороны, наши считаете дни?
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы не лучше, не хуже. Мы просто такие одни.

6

Поэтическая строка Мирошниченко не отличается сложностью содержания. Сложна композиция сюжета, устройство стихотворного «тела». С одной стороны, это говорит о промежуточных смыслах, которые укладываются в целостное здание, а с другой — о динамике психологического состояния автора, его движения от предыдущего утверждения или наблюдения — к последующему. Такое душевное перемещение в соответствии с линией развития стихотворения позволяет пишущему открыться читателю, вызвать его доверие и чувство сопричастности сказанному. Поэтесса проговаривает все важные для нее вещи — и в результате обретает единомышленников.

У Надежды Мирошниченко есть замечательное свойство: совмещать действительное с чудесным. И краткая лирическая канва житейских, исторических или биографических отсылок неожиданно обретает волшебную полноту, которой нет у простого ряда событийных вех. Способность делать реальное — надреальным дает возможность автору показывать бытийную изнанку привычного материального мира.

К нему ходили звезды на свидание.
И прилетали птицы подкормиться.
Он сокращал любые расстояния,
В уме сближая времена и лица.
А по ночам, дыханья не нарушив,
К нему слетались ангелы и пели.
Глядели в его искреннюю душу
И чистой сохранить ее хотели.

Олицетворение в контексте стихотворений Надежды Мирошниченко играет чрезвычайную роль: картина, которую пересказывает автор, оживает, за ней — другая, третья... Наконец, пространство сюжета наполняется действующими лицами, оно искрится и живет уже собственной жизнью. Здесь есть отзвук старого поверья о том, что все вокруг нас — живое. Это чувство и его переживание берет начало в дохристианском родовом времени, когда человек был близок природе и взаимно участвовал в ее метаморфозах. Или — в глубинной памяти о райском, до грехопадения, единении человека и прочего тварного мира.

Подобное наблюдение лишний раз подтверждает почти на поверхности лежащую мысль, что автор — человек русский и родовой, но и человек, одновременно, христианской нравственности. То есть художник, вобравший в себя прошлое во всех его лучших воплощениях.

Воды перебрались в небеса.
Дождикам теперь не перестать.
То-то рада юная листва.
Будет чем плескаться и блистать.

Мирошниченко умеет умозрительное перевести в осязаемое и плотное. Интуитивно овеществляя отвлеченные слова, она делает сюжет житейски узнаваемым. У нее почти нет знаков, подразумеваний, иносказаний. Многие предметы, большие и малые, она называет, как бы обозначая их, но наглядно не изображая. А порой связывает их с другими — очевидными и привычными.

Поэтесса стремится увидеть в человеке сокровенную красоту — и лишь отметить некоторые внешние его черты. Именно потому в ее лирических сюжетах так много внимания уделено личностным взаимоотношениям: между человеком и временем, обществом; между человеком — и его соратниками, призванием; между русским человеком — и его антагонистами, чужим племенем... Человек может быть внешне привлекателен и в своих повадках довольно интересен, но внутренне некрасив.

И все же — помимо индивидуальных деталей в стихах Мирошниченко мы находим главные свойства нашего современника, не растерявшего изначально простоту души и свою принадлежность ко всему русскому. Горячая искренность, детскость, наивность, стремление к единству — вот самые общие приметы его характера, которые автор именуется вполне отчетливо как СВОЕ. И в какой-то степени институализирует эту характеристику, считая ее наиважнейшей для России.

Эта жажда разговора со своим.
Это детское братанье — навсегда.
И наивное: «Потом договорим».
А потом и не бывает никогда.
Это вечное желание мое —
Всех собрать и воедино, и навек.
Это то, что называется с в о ё.
По чему тоскует русский человек.

Оттенки душевного устройства русского человека определяют многое на Руси. Для поэта их точное изображение — задача не только художественная, но и интеллектуальная, требующая особой проницательности. Притом Надежда Мирошниченко распространяет определение «свои» также и на литературу, включая в его смысловое поле творческое подвижничество, отсутствие корысти и тщеславия. Не предлагая делить литературное сообщество на близких и далеких (и тем самым расщеплять культурное пространство отечественной словесности), она называет для себя имена, к которым относится с нежностью и интересом, ожидая от них новых свершений и открытий.

Путь в литературу сложен и тернист, на этой дороге можно легко растерять все самые похвальные качества, однажды проснувшиеся в юном художнике. Тем более, что творческая среда, как известно, напитана ревностью и эгоцентризмом. Поэтому особой бережности требует дар, сохранивший себя несмотря ни на что.

Я к вам пришла не девочкой, а песней.
Я песнями хотела вас согреть.
Я их брала у городских предместий,
Еще не зная, где возьму их впредь.
Я вам казалась фишкой и подставой.
Не знали вы, где я беру слова
О доблести. О подвигах. О славе.
А я у отчей правды их брала.
Я к вам пришла на русскую дорогу,
Не отыскав прекраснее пути.
И вы со мной смирились понемногу.
Я про себя сказала: слава Богу!
Мне больше было некуда идти.

И все срослось. И что теперь мне, кроме
Как песни петь да к Истине идти...
То и беда, что русским в русском доме
Себя сегодня можно не найти.
Но знаю я — не переменишь сердца.
И мать нельзя на мачеху менять.
Я к вам пришла, поскольку знала с детства,
Что ты мне, Русь, — не мачеха, а мать.

Надежда Мирошниченко странная поэтесса. В ее стихах чувство и мысль тесно переплетены, и это дает возможность ее лирике быть точной в словах и зоркой в наблюдениях. В центре ее поэзии — «умное сердце», которое позволяет автору быть не только свидетелем противоречивой эпохи, но и долгожданным собеседником каждого русского человека.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

